

— Я разве такой человек? Это просто ветер слишком сильный, распахнул...

— ...

Инь Мэйсюэ вздохнул, сложил руки в молитвенном жесте и произнес:

— Амитофо, мирские узы уже разорваны, не стоит настаивать. Господин Линь, пожалуйста, возвращайтесь.

Сказав это, он повернулся и направился вглубь редкого мэйшаньского леса.

Черт возьми, разорвал! Как можно сопротивляться стольким искушениям, Инь Мэйсюэ? Почему бы тебе просто не стать Буддой на месте? Линь Чжэнсюань буквально бросил лицо в снег и последовал за ним.

— Почему вы следуете за этим скромным монахом?

— Я не знаю дороги.

— Куда вы направляетесь, господин?

— В ваше сердце.

— Амитофо, хотя монахам и не положено бить людей, но я не против нарушить этот обет ради вас.

— Не горячитесь, мастер! Я... я иду за лабачжоу!

— Пожалуйста, направляйтесь в трапезную за кашей. Выйдите, поверните налево, затем снова налево и еще раз налево. Счастливого пути.

— Но ведь я вернусь на то же место! Ты что, принимаешь меня за Янь Були?!

Перед трапезной уже выстроилась длинная очередь за буддийскую кашу. Инь Мэйсюэ оставил его там и отправился в главный зал. Как талисман храма, монах Умэй был очень занят.

С тех пор, как кто-то постригся в монахи в храме Мэйшань, храмовые пожертвования значительно увеличились, особенно от женщин-посетительниц, которых стало вдвое больше, чем раньше.

Все знали, что мастер Умэй не любит говорить, но стоило ему встать рядом с ящиком для

пожертвований, как деньги текли рекой, и настоятель чуть ли не возвел его в ранг Небесного царя сокровищ.

Линь Чжэнсюань долго стоял в очереди, пока наконец не получил свою порцию лабачжоу.

Каша в храме готовилась из восьми ингредиентов: семян лотоса, красных фиников, ячменя, фасоли, белых орехов, проса, сахара и арахиса. Её варили на медленном огне в железном котле всю ночь, чтобы она стала сладкой, мягкой и ароматной.

Трапезная была переполнена, поэтому Линь Чжэнсюань взял свою миску и устроился в углу. Горячая буддийская каша согрела его изнутри.

— Эх... — Но сердце его всё равно оставалось холодным.

В ту ночь Инь Мэйсюэ пытался покончить с собой, укусив язык, но его вовремя спасли. Однако после пробуждения он стал крайне подавленным. Из-за раны на языке он не мог говорить, и Линь Чжэнсюань не решался лишний раз заговорить, молча ухаживая за ним два месяца. Но как только тот поправился, он тут же отправился в храм Мэйшань и стал монахом.

Линь, великий мастер боевых искусств, был в ярости. Три тысячи лянов за брата, который влюбился в него, но даже не успел согреть его, как тот сбежал!

— Амитофо, господин, почему вы вздыхаете, когда едите такую вкусную кашу? — Из другого угла раздался старческий голос.

Линь Чжэнсюань выглянул и увидел лысого монаха, прислонившегося к стене.

Монах был очень старым, его лицо покрыто морщинами, как потрескавшаяся земля, а длинные белые брови свисали до ушей, большие уши доходили до плеч. На нём была грязная жёлтая монашеская ряса и серый стёганый халат. Он лениво грелся на солнце, время от времени засовывая руку за пазуху, чтобы выпустить пару вшей...

Странно, но, несмотря на свою неряшливость, монах не издавал никакого неприятного запаха. Наоборот, от него исходил легкий аромат сандала. Его дыхание было настолько спокойным и незаметным, что, если бы он не заговорил, Линь Чжэнсюань бы его вовсе не заметил.

Черт, это же тот самый легендарный монах-подметальщик из Шаолиня!

Линь Чжэнсюань с любопытством спросил:

— Мастер, вы можете дать совет?

Старый монах с доброй улыбкой кивнул и протянул руку:

— Пять лянов за совет.

Линь Чжэнсюань: ...

— Ладно, ради удобства, подойдет и ваша каша.

Лёд на крыше таял, капли падали, как слёзы.

У стены, поросшей мхом, Линь, великий мастер боевых искусств, смотрел, как его каша исчезает в животе монаха.

— Молодой человек, вас мучает любовь? — Старый монах вытер рот своим жирным рукавом.

— Да-да, как вы догадались?

— Если бы вас мучили деньги, я бы не смог помочь. Я сам всю жизнь беден и не знаю, как с этим справиться.

— ...

Старый монах медленно произнес:

— Молодой господин, расскажите, как вы познакомились с этой девушкой?

— Это не девушка.

— Ц-ц, гомосексуализм?

— Как бы это объяснить... Раньше он был гомосексуалистом, а я нет, теперь я гомосексуалист, а он нет... Теперь он хочет порвать со мной, а я не хочу, так что всё запутанно, как будто порвано, но не совсем...

Старый монах нахмурился, долго думал и наконец сказал:

— Может... я верну вам кашу?

Линь Чжэнсюань: ...

— Вы, мирские люди, всегда всё усложняете. Всё просто: вы любите этого человека?

Линь Чжэнсюань, подперев щеку, нерешительно спросил:

— На самом деле, я не совсем понимаю, что такое любовь?

— Нельзя объяснить, — покачал головой старый монах. — Если можно объяснить, это уже не любовь.

— Я тоже не могу понять, как можно испытывать такие чувства к другому мужчине? Это болезнь?

— Красота и уродство — это лишь кожа да кости. Какая разница между мужчиной и женщиной? — Старый монах указал на стену. — Если ваше сердце принадлежит кому-то, вы полюбите его, даже если он превратится в дерево.

Линь Чжэнсюань поднял голову и увидел тонкую ветку мэйшань, перегнувшуюся через стену и дрожащую на ветру.

Да, если бы Инь Мэйсюэ был женщиной, разве он бы сомневался?

То, чего он боялся, было всего лишь общественными нормами и правилами. Поэтому он убегал, обманывал себя, думал, что действительно не любит, что сможет отпустить. Но когда тот человек попытался покончить с собой, обрезал волосы и встал за пределами мирской жизни, не желая повернуться обратно... Линь Чжэнсюань вдруг осознал, что не может смириться с этой потерей. Это было хуже, чем потерять три тысячи лянов!

— Но мастер, теперь его сердце мертво, он стал монахом в вашем храме. Как мне его вернуть?

Старый монах закашлялся, не ожидая, что перед ним стоит тот самый соблазнитель.

— Позвольте спросить, о ком вы говорите, молодой господин?

— Он недавно пришёл сюда, его монашеское имя — Умэй.

— Что?! Так это вы тот распутник, который пристаёт к моему ученику?!

— Блин! Так это вы тот бездушный настоятель, который его постриг?!

\*\*\*\*\*

Инь Мэйсюэ весь день был как обезьяна в зоопарке, за ним следили, пока он убирал главный зал и заканчивал вечернюю молитву. Вернувшись в свою келью, он чувствовал себя полностью

измотанным.

Раньше он думал, что быть монахом — это спокойное занятие, но оказалось, что монахи встают рано, поздно ложатся, читают сутры и молятся, а в напряжённые дни и вовсе не успевают присесть.

Но, может, это и к лучшему, чтобы не было времени на пустые мысли.

Как талисман храма Мэйшань, он получил отдельную келью. Простая, тихая комната, скромная постель, квадратный деревянный стол и одинокая лампа. Сидя в одиночестве, он молча смотрел на свою тень.

— Маленький мастер Умэй, вы действительно решили отречься от мирской жизни, очистить шесть корней и провести остаток дней в молитвах перед древним Буддой?

Тот человек с заснеженными бровями и тревожным взглядом словно смотрел на непреодолимую пропасть, на загадку, которую невозможно разгадать.

Инь Мэйсюэ знал Линь Чжэнсюаня давно, но никогда не видел его озабоченным. Этот человек был умным, хитрым, его боевые навыки были самыми слабыми среди Четырёх волков цзянху, но ум был самым острым. Какие бы трудности ни встречались на его пути, он всегда находил выход... Но сегодня он сделал несколько глупых ходов и попал в ловушку, которую сам себе расставил.

Он улыбнулся, покачал головой, потушил лампу и лёг спать.

Жизнь полна сложностей, и не всё можно решить умом. Посмотрим, какие ещё выходки завтра придумает этот парень, чтобы досадить ему.

Вдруг кто-то постучал в дверь:

— Маленький мастер Умэй, вы спите?

Инь Мэйсюэ перевернулся:

— Спит.

Линь Чжэнсюань: ...

Через некоторое время снаружи раздалась меланхолическая мелодия флейты.

Звуки флейты были печальными и жалобными, словно у того, кто играл, отец умер в три года, а

мать — в четыре...

Соседний монах начал стучать в стену:

— Умэй, не играй на флейте посреди ночи.

Инь Мэйсюэ, стиснув зубы, встал с кровати, открыл дверь и втащил того, кто сидел у стены, в свою комнату.

Линь Чжэнсюань серьёзно отряхнул угол своей рваной куртки:

— Мастер, давайте поговорим спокойно, не надо хватать меня, а то люди могут неправильно понять.

Инь Мэйсюэ глубоко вздохнул, про себя повторил множество раз «не убивать», чтобы успокоиться, и наконец сказал:

— Амитофо, господин, что привело вас сюда в столь поздний час?

— Я пришёл за долгом. — Линь Чжэнсюань сел за стол, зажёл свечу. — Маленький мастер Умэй, когда вы вернёте мне три тысячи лянов?

Один медяк может поставить героя в тупик, а три тысячи лянов способны сломить Инь Мэйсюэ.

Он задумался: а что, если украсть из ящика для пожертвований? Не убьют ли его за это?

<http://bllate.org/book/15303/1352403>